

Древнерусские хождения и российские травелоги Нового времени: темпоральные коррективы репрезентативных практик*

Георгий Шпак

¹Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices**

Georgy Shpak

¹Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte by M. Halbwachs was one of the first studies which employed the strategy of comparing “travelographic” descriptions tracing the dependence of descriptions of the physical world on predetermined settings. The author concludes that the geographical space of the “Promised Land” is realised through “legendary” images. The localisation of specific events occurs following the collective ideas of communities that transform physical reality based on models accepted within the communities. Thus, when we identify descriptive models, it is necessary to consider the constructive nature of spatial representations and correlate various rhetorical strategies used by the authors of travelographic descriptions. The article considers the possibility of

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** Citation: Shpak, G. (2022). Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758.

Цитирование: Shpak G. Medieval Russian Journeys and Modern Russian Travelogues: Temporal Corrections of Representative Practices // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758 / Шпак Г. Древнерусские хождения и российские травелоги Нового времени: темпоральные коррективы репрезентативных практик // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1741–1752. DOI 10.15826/qr.2022.5.758.

using the comparative method when comparing the descriptive strategies of the authors of Russian Modern period travelogues. The author considers the role of images of the past in the descriptive strategies of eighteenth-century travellers. Referring to extensive material, the article traces the evolution of elements of space recorded by various authors, from *itineraria* (Ignatius Smolnyanin, Afanasy Nikitina, Trifon Korobeinikov, etc.) to fiction travelogues (A. F. Veltman, O. I. Senkovsky, V. A. Sologub, etc.). The author concludes that texts from the late eighteenth – first half of the nineteenth centuries reflect the loss of Christian values and the “crisis of objectivity”. One of the consequences was the crisis of travelographic descriptions and the fragmentation of images of reality, which is stated by members of the Baden school of Neo-Kantianism, who use the concept of “values” to create new research guidelines.

Keywords: travelogues, *itineraria*, description of space, “crisis of objectivity”, values

Одним из первых исследований, в которых была применена стратегия сопоставления травелографических описаний, является «Легендарная топография евангелий на Святой земле» М. Хальбвакса (1941), где прослежена зависимость описаний физического мира от предзаданных установок. Автор приходит к выводу, что географическое пространство земли обетованной реализуется за счет «легендарных» образов, а локализация конкретных событий происходит в соответствии с коллективными представлениями сообществ, преобразующих физическую реальность на основании принятых внутри сообществ моделей. Таким образом, при выявлении описательных моделей необходимо учитывать проектную природу пространственных репрезентаций и соотносить различные риторические стратегии, применяемые авторами травелографических описаний. В статье рассматривается возможность использования сравнительного метода при сопоставлении описательных стратегий авторов русских травелогов Нового времени. Анализируется роль образов прошлого в описательных стратегиях путешественников XVIII в. На основе обширного материала прослеживается эволюция элементов пространства, фиксируемых авторами, от хождений (Игнатий Смольнянин, Афанасий Никитин, Трифон Коробейников и пр.) до фикшн-травелогов (А. Ф. Вельтман, О. И. Сенковский, В. А. Сологуб и др.). Делается вывод об утрате христианских ценностных ориентиров и «кризисе объективности» в текстах путешественников конца XVIII – первой половины XIX в., следствиями чего становятся кризис травелографических описаний и фрагментация образов реальности, которую констатируют представители Баденской школы неокантианства, использующие понятие ценности для создания новых исследовательских ориентиров.

Ключевые слова: травелоги, хождения, описание пространства, «кризис объективности», ценностные установки

Реальность, фиксируемая путешественником в травелоге, не может не иметь в своей основе предзаданных моделей метафоризации. Первопроходец заранее знает, каким языком будет написан его текст. Пространство своим описанием обязано когнитивно-риторическим особенностям авторского письма. Невозможен язык, существующий вне системы правил, как не может быть описаний без мыслительных или риторических операций сравнения. Как отмечала Эва Доманска, «не бывает такой вещи, как неметафорический язык» [Доманска, с. 43]. Описание внешнего невозможно без апеллирования к уже известным образам, имеющим свое знаковое выражение, так как «человек воспринимает неизвестное по аналогии с известным, метафорически упорядочивая опыт» [Потапова, с. 105]. Фактически то, что не имеет аналога, не может быть осознано адекватно, то, что не имеет знака, не может быть начертано.

Одним из первых исследований, в которых в компаративном ключе сопоставляются описания пространства, является работа Мориса Хальбвакса *La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte; étude de mémoire collective* («Легендарная топография евангелий на Святой земле») (Paris, 1941). Сравнивая различные модели встраивания евангельских образов в топографию Палестины, автор приходит к выводу, что физическое пространство формируется за счет «предустановок» конкретных сообществ, или их «коллективной памяти». Паломники не открывали для себя непосредственную физическую реальность Святой земли, а переносили свои коллективные представления в реальное пространство. При этом М. Хальбвакс, отмечая равноценность различных описательных моделей, замечает: «Это не мешает каждой системе локализаций иметь полное доверие среди своих сторонников, сохраняясь во времени»¹ [Halbwachs, p. 188].

Реальная топография трансформировалась в зависимости от представлений различных групп, которые могли поклоняться одним и тем же святыням, но локализуя их в разных частях физического пространства. М. Хальбвакс декларирует, что «сообществу приходится мириться с противоречиями, вносимыми в него различными группами, до тех пор, пока одна из этих групп не обладает или само сообщество не найдет новый повод для снятия конфликтного вопроса. Это особенно важно, когда дело касается обрядов, к которым эти группы остаются привязанными» [Ibid., p. 191].

Физический мир и его воображаемый образ могли вступать в противоречие, взаимокорректируя и видоизменяя друг друга, церкви и часовни могли сооружаться сообразно представле-

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Ш.

нию о святости конкретных мест и в дальнейшем воздействовать на описательные практики паломников².

Не менее характерны результаты сопоставления, предпринятые историком науки Амиром Александром в работе *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics* («Имперская риторика и математическая практика в Англии раннего Нового времени. Литературный подход к математике») (Stanford, 1995). Автор сопоставляет стратегии описания первопроходцами Баффиновой земли, Вирджинии и Гвианы и приходит к выводу, что во всех текстах используется единый повествовательный прием – исследуемые земли рассекаются на острова и проливы, следует рассказ о сказочной стране, сокрытой в глубине континента. Объясняя причины этого, А. Александр вводит понятие «стандартного нарратива исследования» (*standard narrative of exploration*) [Alexander, p. 21], присущего текстам английских мореплавателей второй половины XVI в. Ключевые черты этого нарратива, а именно вера в существование сокровищ или сказочно богатых земель, скрытых непроходимыми горными грядками, бурными водами или льдами, но имеющих пока неизвестный и ждущий своего первооткрывателя проход, можно найти и в работах М. В. Ломоносова, выступавшего главным инициатором поиска Северного пути на Восток и представившего в сентябре 1763 г. в Морскую российских флотов комиссию проект экспедиции «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»³.

Каждый путешественник, описывающий пространство, использует ту или иную кодировку, позволяющую зафиксировать или репрезентировать увиденное. Она должна быть универсальной и считываться

---

² «Как прибытие крестоносцев открывает новую эру в локализации? Для христианского мира Иерусалим был главным святым городом. Хотя большинство христиан и не видели его, они могли его воображать. Их представление о нем было, конечно, небезосновательным, так как основывалось не только на евангелиях, но и на свидетельствах и описаниях тех, кто его посещал. Но насколько он отличался от самого города, знали только оставшиеся там христиане! Они видели, как трудно идентифицировать оставшиеся здания, церкви, часовни после разорений, погубивших столько кварталов, столько домов, и что время делало здесь свое дело, как и везде, все сильнее и сильнее стирая следы прошлого. Но христиане, рассеянные по всей Европе, говоря об Иерусалиме, представляли себе нечто совсем иное: сверхъестественный город, от которого никогда не перестанет исходить свет величия Сына Божия; вечный город, в котором чудесным образом сохранилось то, что было фундаментом и основой событий, рассказанных в евангелиях. Они ни на минуту, кажется, не сомневались, что город откроется им таким, каким он был когда-то, стоит только избавиться от неверных и стереть их нечестивые следы. Это объясняет эмоции, которые они испытывают, когда приближаются к Иерусалиму, останавливаются и падают ниц. Осады, не оставившие камня на камне, перестройки, изменения направлений улиц, расположение и внешний вид домов и кварталов... что знали они об этом? Наверное, очень мало. Говорят, когда они вошли в мечеть Омара, они полагали, что входят в древний храм Соломона» [Halbwachs, p. 200].

³ Подробнее об этом: [Шпак].

современниками. Путешественник отбирает внешние образы, фиксируя их в соответствии с устойчивыми сопоставительными схемами, когнитивно-риторическими стратегиями и ценностными установками.

Распространено убеждение, что объекты компаративного анализа должны отбираться в первую очередь с учетом их географической дифференциации, о чем писал еще М. Блок, отмечая, что «название “сравнительная история” закрепилось почти исключительно за сличением явлений, существовавших по разные стороны государственной или национальной границы» [Блок, с. 66]. Но если мы сопоставляем трансформации внутри сообщества, проживающего на одной территории, перед нами встает задача рассмотрения их изменений в плоскости времени. Вполне естественным в данном контексте является сопоставление и выявление различных этапов становления определенной традиции внутри одной языковой культуры, хотя, конечно, границы любого сообщества вариативны, и скорее сопоставлению подлежат памятники и текстологические традиции, а также ценностные установки авторов.

В статье представлены стратегии описания пространства в русских травелогах Нового времени⁴. Невозможно учесть всю совокупность явлений, зафиксированных авторами, но можно выявить и сопоставить отдельные образы пространства и стратегии их описания. Не слишком корректным было бы разделять фиксируемые путешественниками характеристики реальности на отдельные образы, такие как «образы пространства» (спасительные) и «образы прошлого» (темпоральные)⁵. Прошлое является одним из атрибутов пространства, но как независимый конструкт появляется в текстах путешественников далеко не сразу.

Для вычленения современных практик описания пространства необходимо привлечь и сопоставить варианты описания, бытовавшие в предшествующий период, и выделить их характерные черты. Для древнерусских хождений XII–XV вв. характерно формирование физической земной топографии за счет христианских преданий. Локусы, лишённые сакрального значения, в них не описываются и фактически остаются неозначенными. Описанное же пространство осуществлено за счет метафор и символов, черпаемых из священных текстов. Символика его сакральна и наполнена религиозно-значимыми событиями и явлениями.

На протяжении XV в. травелографические описания претерпевают ряд изменений. В текстах священноинока Варсонофия, гостя Василия, Игнатия Смольнянина, Афанасия Никитина сакральная метафизическая реальность уходит на второй план, заменяясь описаниями собы-

---

⁴ Под травелогами понимаются тексты, содержащие описания передвижения авторов в пространстве с целью фиксации увиденного.

⁵ Под образом понимается совокупность представлений об отдельном элементе пространства, зафиксированная в травелогe в виде словесного описания, зависящего не столько от реально наблюдаемых физических характеристик реальности, сколько от репрезентативно-риторических стратегий автора и его ценностных установок.

тий и явлений, связанных с пространством, непосредственно наблюдаемых авторами. О хождениях Игнатия Смольнянина Е. И. Малето пишет: «Главное в них – не описание христианских святынь, а рассказ о событиях, происшедших во время путешествия (описание дворцового переворота в византийской столице, венчания на царство и т. д.). Это произведение стало первым светским хождением, освобожденным от библейско-апокрифических мотивов» [Малето, с. 23].

Священноиннок Варсонофий сообщает сведения о растительности и водных ресурсах Египта, гость Василий – о деревьях, произрастающих на территориях Малой Азии, Палестины и Египта, Афанасий Никитин – о климатических особенностях, местных обычаях и бытовом укладе, растениях, камнях и пр. Как отмечает Е. И. Малето, в стратегиях описания пространства происходит поворот «от восприятия природы как фона, на котором развиваются события библейской истории, к почти документально точным изображениям природы в хождении Игнатия Смольнянина и Афанасия Никитина» [Там же, с. 24].

Из травелогов XVI в. следует выделить наполненный многочисленными отсылками к писаниям, легендам и преданиям текст хождения Трифона Коробейникова, в котором образы прошлого вплетены в описание Царьграда:

А на площади стоит столп из червлена багров, велик и высок, а под ним много чудесных мощей, и вернии людие сказывают, что тот столп поставил царь Константинъ Флавиян и святых многие мощи под тот столп положил, да под ним же 12 укрук Христовых, да Ноева секира, чем делал ковчег, да на той же столпе стоял ангел божий и держал в руке своей скипетр, хранил им Царь град [Записки русских путешественников, с. 30].

Падение же византийской столицы объясняется как воздаяние за грехи:

И божиим повелением за грех рода человека приидоша турки под град, и по повелению божию тот образ архангелов мощию от столпа подняся на небо, видом бысть всему народу, турки же, видьвше отступление божие, взяша град, и ныне в нем царствуют [Там же, с. 31].

Фиксируемые паломником объекты выступают фоном для изложения минувших событий. Прошлое становится непременным атрибутом пространства. Описания животных также вплетаются в гладь травелографического повествования:

Туту ж, в Синайской горе, видели птицы, что наши куры, таковы велики. Те птицы послал бог с небеси израилтеским людем, егда они жили в Синайской горе 40 лет, о том бо пророк Давыд написа: «Птица пернаты нападоша посреди стана их и окрест жилищ их; ядоша и насытишася зело. Мясо тех птиц всех мяс сладчее» [Там же, с. 65].

Не менее характерны описания путешествий Василия Гагары и Арсения Суханова, упоминающего необычных животных (птицу струфокамила, крокодила и пр.) и описывающего уцелевшие памятники. При этом образ египетских пирамид сопрягается с библейским преданием о воскрешении мертвых:

Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы, древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены. Тут же поле великое ровное. На том поле по вся годы выходят наверх земли мертвые люди; а восстанут в ночи под Пяток великой, всегда по вся годы неизменно в тот день, и лежат даже до Вознесениева дни на верху земли, а от Вознесениева дни тех телес не станет, даже паки до Пятка великаго. И Арсений о том у многих греков, и во Египте у синаяскаго архиепископа, и у старцев выспрашивал, и они все сказывают, не ложно так. Только де преж сего выходили люди целые, а ныне де кости, и люди разрушенные, руки, ноги, головы и прочие составы, а целой де на притчю где сыщется [Записки русских путешественников, с. 98].

В то же время первопроходцы XVII в., такие как Петр Бекетов, Ерофей Хабаров, Семен Дежнев, Андрей Булыгин, не включают в свои тексты ни исторических описаний, ни непосредственных зарисовок пространства. Первопроходцев интересуют племена, населяющие земли, их торговые и культурные связи, возможности сбыта товара, цены на промысловые породы и пр. Само пространство практически не фиксируется. Приводятся только краткие сведения о длине пройденного пути. Но уже у Владимира Атласова, совершившего в конце XVII в. поход по Камчатке, встречаются и описания природных объектов, и попытки создания собственных описательных сравнений:

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю, есть гора – подобна *хлебному скирду*, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж подобна *сенному стогу* и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево (курсив мой. – Г. Ш.) [Там же, с. 425].

И хотя «картографическая революция», начавшаяся в России в последней трети XVII в., способствовала созданию новой символики пространства, многие предшествующие черты еще долго сохранялись как в картографии [Кивельсон], так и в травелогах. Так, жанр хождения оставался чрезвычайно популярным в XVIII в., о чем говорят сохранившиеся списки, а сами травелоги начала века сочетают в себе как черты хождений, так и черты светских путевых дневников [Прокофьев]. Среди текстов начала века, впитавших в себя традицию как статейных списков, так и хождений, Н. И. Прокофьев выделяет путешествия «неизвестной особы» (1697–1698), П. А. Толстого (1697–1699), Б. П. Шереметева (1697–1699), А. А. Матвеева (1705), Б. И. Куракина (1707–1711) и пр. Он отмечает, что основными образцами для

русских авторов служили не западные путевые очерки, а средневековые паломнические описания [Там же, с. 138].

Вплоть до последней трети XVIII в. мы не встречаем записок, которые бы походили на тексты европейских путешественников, хотя отдельные их черты и будут присутствовать в дневниках участников экспедиций Академии наук, пусть и составленных в соответствии с инструкциями. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что первые записки, составленные по материалам путешествий, совершенных самостоятельно, а не по заданию государственных институций, появляются только в последней трети XVIII в., например, это записки о путешествии Г. Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 гг.

Описание пространства у Миллера реализовано за счет обращения к событиям прошлого. Например, описание села Дединова осуществлено за счет отсылки к строительству на этом месте ботика Петра Первого, при этом Г. Ф. Миллер отмечает: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и кроме того по разным причинам внимание заслуживает» [Миллер, с. 61]. Если, по мнению автора, описываемое место лишено знаковых отсылок к историческим событиям, описания ограничиваются скухими замечаниями. Повествуя о селе Воздвиженском, где царевной Софьей были казнены «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын, Г. Ф. Миллер пишет:

Сие привожу я затем, что места, в коих подобныя сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особливаго об них сказать не можно. Таковыми сказаниями землеописание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях [Там же, с. 86].

Таким образом, происходит локализация событий прошлого в реальном физическом пространстве. Текст путешествия трансформирует видимое пространство, наполняя его дополнительными уровнями, в данном случае в него вплетаются события отечественной истории. Как заметил М. М. Бахтин: «Местность – это след события, ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей» [Бахтин, с. 223]. Одной из причин подобного «поворота к прошлому» М. М. Бахтин называет столкновение эсхатологизма и чувства движения времени: «Нужен был новый хронотоп, позволяющий связать реальную жизнь (историю) с реальной землей. Надо было противопоставить эсхатологизму продуктивное творческое время, время, измеряемое созиданием, ростом, а не разрушением» [Там же, с. 109]. Можно переиначить эту мысль и сказать, что не реальная земля была привязана к истории, а образы прошлого стали вплетаться в зафиксированные на картах земные локусы.

Пространство в русских травелогах XVIII в. могло описываться сообразно различным предзаданным моделям, формировавшимся за счет академических, торговых или дипломатических инструкций, или представлять собой своеобразные хорографические описания. Все это вело к тому, что описания теряли компонент объективности, присущий текстам паломников и пилигримов, подготавливая почву для кризиса травелогграфии XIX в. Субъективность авторского видения стала эксплицитным механизмом описания, породив большое количество сентиментальных, или чувственных путешествий. Если Г. Ф. Миллер стремится в своих описаниях сослаться на исторические источники, то Н. М. Карамзин кладет в основу описаний личный опыт, фантазии и воспоминания. К примеру, в травелоге «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре» мы видим, как путешественник организует пространство на основе образов прошлого:

Я взъехал на гору Волкушу... Руские Патриоты! это место должно быть вам известно.. <...> Я стал на вершине горы – и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распущенных знамен [Карамзин, с. 214].

Описание пространства реализовано за счет обращения к историческому воображению: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными» [Там же, с. 226].

Воображение, опирающееся на индивидуальный опыт автора, становится в начале XIX в. главным инструментом составления травелографических описаний. Можно согласиться с утверждением Х. Уайта, что «XVIII в. не доставало адекватной психологической теории» [Уайт, с. 73], понимая под этим то, что рациональности эпохи Просвещения не хватало рефлексии, касающейся субъективного начала суждений. Только в конце XVIII в. начинает происходить примирение между «рациональным» и «воображаемым», открывая дорогу для описаний, в которых «фантазия либо воображение могли столь же служить открытию истины, сколь и сам разум» [Там же].

Большинство травелогов первой трети XIX в. будут составлены в сентиментальном ключе. И это не только «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, но и «Новый чувствительный путешественник, или Прогулка в А.» П. И. Шаликова (1802), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» П. И. Сумарокова (1803–1805), «Путешествие от Петербурга до Белоозерска» П. Ю. Львова (1804), «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова (1805) и пр. Согласно библиографическому словарю В. С. Сопикова, за первое десятилетие XIX в. будет издано свыше 50 переводных и отечественных путешествий [Сопиков].

Однако рост числа sentimentalных травелогов, основанных на индивидуальных переживаниях автора, знаменовал собой кризис объективности, или, иначе, ценностных ориентиров. Обретая начало в индивидуальном, пространство теряло аспект гомогенности, что подрывало авторитет травелогов как документальных произведений, фиксирующих физический мир. В начале XIX в. травелографический жанр подвергся многочисленным критическим нападкам, а также высмеиванию в ряде пародий. А. С. Пушкин настоятельно рекомендует своему товарищу Ф. Матюшкину, отправляющемуся в 1817 г. в кругосветное плавание, избегать излишних чувственных излияний, но фиксировать «все подробности жизни» [цит. по: Шенле, с. 10].

Среди пародий на травелог можно назвать «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» И. Дмитриева (1803), «Путешествие моего двоюродного братца в карманы. Вольный перевод неизвестного автора» (1803), «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» П. Яковлева (1828), «Странник» А. Ф. Вельтмана (1831–1832), «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» О. И. Сенковского (1833), «Тарантас» В. А. Сологуба (1840) и пр. Лишившись объективного основания, пространство становится предметом литературных насмешек. И хотя авторы еще не создают вымышленные миры, они переписывают или переформируют доступную им физическую реальность. Путешествие для А. Ф. Вельтмана – это игра с пространством карты, буквализация метафоры, символизирующей мир: «Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь!»; «Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!..» [Вельтман, с. 10]; «О, неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. Но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?» [Там же, с. 18].

Актуализация воображения в описании пространства вела к созданию художественных миров, соотнесение которых с реальностью было весьма условным, однако общество XIX в. в России еще не было готово к столь радикальному пересмотру реальности. Кризис травелографических описаний напрямую связан с кризисом объективности или же ценностных установок, который можно связать с утратой объективного начала в описаниях пространства, конфликтом между «документальным» и «воображаемым». На протяжении XVIII в. пространство в текстах русских травелогов теряло целостность, распадаясь на отдельные фрагменты и лоскуты. Личные переживания авторов могли какое-то время за счет апелляции к индивидуальному духовному познанию сдерживать его, предотвращая крушение единой реальности, но к середине XIX в. стало очевидным, что процесс фрагментации необратим. Научные открытия и попытки найти единство в естественных законах позволили прийти к некоему единству внутри замкнутых групп представителей отдельных научных дисциплин и субдисциплин, но гуманитарные науки не смогли

выработать единых описательных концепций, что привело к кризису гуманитарного знания и актуализации вопроса о природе ценностей, сформулированного представителями Баденской школы.

Компаративный анализ дискурсивных стратегий, применяемых авторами травелогов, показывает, что утрата «объективных», то есть общепринятых повествовательных моделей вела к кризису репрезентативных приемов и распаду единого описательного стандарта на множество отдельных стратегий. Сопоставление текстов, нацеленных на описание образов пространства, позволяет выявить жанровые трансформации и яснее очертить границы репрезентативных практик, что является одной из важных задач современных компаративных исследований.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 120–290.
- Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 2001. С. 65–93.
- Вельтман А. Ф.* Странник. М. : Наука, 1978. 354 с.
- Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
- Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подг. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М. : Сов. Россия, 1988. 525 с.
- Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. 1802. № 15. С. 207–226.
- Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.
- Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. : Исследование. Тексты. Комментарии. 2-е изд. М. : Директ-Медиа, 2014. 439 с.
- Миллер Г. Ф.* Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / отв ред. В. В. Зубарев ; подг. текста, вступ. ст. С. С. Илизарова. М. : Янус, 1996. 254 с.
- Потанова Н.* Лингвистический поворот в историографии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2015. 380 с.
- Прокофьев Н. И.* Традиция и новаторство путевых записок петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л. : Наука, 1974. С. 129–138.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. : в 4 ч. Репринт. изд. М. : Нобель Пресс, 2011. Ч. 4. 532 с.
- Уайт Х.* Метаистория : Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб. : Академ. проект, 2004. 272 с.
- Шпак Г. В.* Нарративные стратегии первопроходцев северных морей. От Р. Торна до М. В. Ломоносова // Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). М. : Паулсен, 2022. С. 243–253.
- Alexander A.* Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England : A Literary Approach to Mathematics : Doct. Diss. Stanford Univ., 1995. 241 p.
- Halbwachs M.* La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective. Paris : Presses Univ. de France, 1941. 206 p.

References

- Alexander, A. (1995). *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England. A Literary Approach to Mathematics*. Doct. Diss. Stanford Univ. 241 p.
- Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane*. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaya literature, pp. 120–290.
- Bloch, M. (2001). *K sravnitelnoi istorii evropeiskikh obshchestv* [Toward a Comparative History of European Communities]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka, pp. 65–93.
- Domanska, E. (2010). *Filosofiya istorii posle postmodernizma* [Philosophy of History after Postmodernism]. Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”. 400 p.
- Halbwachs, M. (1941). *La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective*. Paris, Presses Univ. de France. 206 p.
- Karamzin, N. M. (1802). *Istoricheskie vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, na puti k Troitse i v samom monastyre* [Historical Memories, along with Other Remarks, on the Way to the Trinity and in the Monastery Itself]. In *Vestnik Evropy*, No. 15, pp. 207–226.
- Kivelson, V. (2012). *Kartografii tsarstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: The Earth and Its Meanings in Russia in the 17th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.
- Malet, E. I. (2014). *Antologiya khozhenii russkikh puteshestvennikov XII– XV vv. Issledovanie. Teksty. Kommentarii* [Anthology of the Wanderings of Russian Travelers of the 12th–15th Centuries. Research. Texts. Comments]. 2nd Ed. Moscow, Direct-Media. 439 p.
- Miller, G. F. (1996). *Puteshestviya po moskovskoi provintsii* [Traveling around Moscow Province]. In Zubarev, V. V. (Ed.). *Akademik G. F. Miller – pervyi issledovatel' Moskvy i moskovskoi provintsii*. Moscow, Yanus. 254 p.
- Potapova, N. (2015). *Lingvisticheskiy povорот v istoriografii* [Linguistic Turn in Historiography]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 380 p.
- Prokof'ev, N. I. (1974). *Traditsiya i novatorstvo putevykh zapisok petrovskogo vremeni* [Tradition and Innovation of Travel Notes of Peter the Great's Time]. In *XVIII vek*. Coll. 9. Leningrad, Nauka, pp. 129–138.
- Prokof'ev, N. I., Alekhina, L. I. (Eds.). (1988). *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes of Russian Travelers of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 525 p.
- Schönle, A. (2004). *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii, 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-Awareness of Russian Travel Literature, 1790–1840]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 272 p.
- Shpak, G. V. (2022). *Narrativnye strategii pervopokhodtsev severnykh morei*. Ot R. Thorne do M. V. Lomonosova [Narrative Strategies of the Pioneers of the Northern Seas. From R. Thorne to M. V. Lomonosov]. In *Polyarnye chteniya – 2021. Khudozhestvennoe osvoenie Arktiki: polyarnye regiony v kul'ture, iskusstve i filosofii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2021 g.)*. Moscow, Paulsen, pp. 243–253.
- Sopikov, V. S. (2011). *Opyt rossiiskoi bibliografii, ili Polnyi slovar' sochinenii i perevodov, napechatannykh na Slavenskom i Rossiiskom yazykakh, ot nachala zavedeniya tipografii do 1813 g. v 4 ch.* [The Experience of Russian Bibliography or a Complete Dictionary of Works and Translations Printed in the Slavonic and Russian Languages, from the Beginning of the Establishment of Printing Houses until 1813. 4 Parts]. Reprint Ed. Moscow, Nobel Press. Part. 4. 532 p.
- Veltman, A. F. (1978). *Strannik* [Wanderer]. Moscow, Nauka. 354 p.
- White, H. (2002). *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in 19th-Century Europe]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 528 p.

The article was submitted on 15.08.2022